

ПОЛИТИКА

В.П.Сударев

Возможности и пределы гегемонии США в Латинской Америке

Статья посвящена анализу соотношения возможностей и пределов наращивания влияния Вашингтона в латиноамериканском регионе. Подробно рассмотрены перемены в американско-мексиканских отношениях в условиях резкого обострения миграционной проблемы. Дается оценка эффективности кардинального пересмотра администрацией Дональда Трампа политики в отношении Кубы, вклада властей США в существенное обострение с начала 2019 г. политической ситуации в Венесуэле. Особое внимание уделяется тому, как администрации Д.Трампа удалось использовать в своих интересах очевидный сдвиг вправо политического ландшафта, наблюдающийся в регионе на примере ряда ведущих государств Латинской Америки, выстроить с ними отношения стратегического партнерства. Заключительная часть статьи посвящена политике внерегиональных игроков — Китая и Европейского союза — по ограничению экспансии США в латиноамериканском регионе.

Ключевые слова: Вашингтон, политический ландшафт, стратегическое партнерство, политика дестабилизации, внерегиональные державы.

DOI: 10.31857/S0044748X0006894-2

Статья поступила в редакцию 29.08.2019.

К концу второго десятилетия XXI в. США заметно нарастили свое влияние в латиноамериканском регионе. Это отнюдь не было вызвано новой стратегией администрации президента Дональда Трампа (2017 — н/в), отличной от курса предшественников. Более того, у нынешних властей США изначально, по сути, вообще отсутствовала четко обозначенная по-

Владимир Петрович Сударев — доктор политических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра политических исследований Института Латинской Америки РАН (РФ, 115035 Москва, ул. Б. Ордынка, 21, v.sudarev@mtu-net.ru).

Работа подготовлена в рамках проекта «Большие вызовы и научные основы прогнозирования и стратегического планирования», определяемых президиумом РАН в качестве приоритетных направлений.

литика в отношении региона. Судя по предвыборной программе Д.Трампа, а также его первым внешнеполитическим шагам, все сводилось к ряду точечных ударов в отношении Мексики, Венесуэлы и Кубы. В каждом из этих случаев, однако, они отнюдь не в полной мере достигли цели. По итогам двухлетнего президентства Трампа следует признать, что в случае с Мексикой, ставшей в ходе его предвыборной кампании, пожалуй, главным объектом жесткой критики, президент от Республиканской партии (Republican Party, RP) и его окружение были вынуждены не только отказаться от уже ставшего традиционным антимексиканского дискурса, но и реально пересмотреть подходы к отношениям с южным соседом. Причина вполне очевидна. Во-первых, из-за противодействия Конгресса США администрация Трампа так и не получила средств для строительства стены по всей американско-мексиканской границе, что накануне выборов провозглашалось чуть ли не главной целью будущего президента. Только к середине 2019 г. у Белого дома появилась возможность потратить на сооружение стены лишь 2,5 млрд долл. из бюджета Пентагона, изначально предназначавшиеся для борьбы с наркотрафиком. Это составляло менее десятой доли требуемой суммы.

Во-вторых, Вашингтон осознал свою зависимость от Мексики в урегулировании миграционного вопроса, связанного с неконтролируемыми потоками беженцев, с 2018 г. буквально хлынувшими через южную границу в США, которые фактически оказались в патовой ситуации, не имея возможности решить проблему в одностороннем порядке. Именно поэтому еще в августе 2018 г. весьма неожиданно для многих экспертов администрация Трампа, до этого почти на год затянувшая переговорный процесс по пересмотру Североамериканского соглашения о свободной торговле (North American Free Trade Agreement, NAFTA) и периодически грозившая вообще выйти из него, подписала новый вариант соглашения именно с Мексикой (Канада присоединилась к нему чуть позже). В октябре 2018 г. госсекретарь США Майк Помпео нанес визит в Мексику, в ходе которого настоятельно просил мексиканские власти перекрыть их границу с Гватемалой [1, сс. 34-35].

Тем не менее у Вашингтона еще оставались рычаги давления на Мексику по миграционному вопросу: в частности, высказанная Трампом в июне 2019 г. угроза резко увеличить таможенные пошлины на мексиканские товары, поставляемые на американский рынок, если южный сосед не приостановит поток беженцев из Центральной Америки. Напомним, что на США в рассматриваемый период приходилось около 80% совокупного экспорта. В результате Мексика обязалась полностью перекрыть транзит мигрантов через свою территорию. Обещание было выполнено в середине 2019 г., когда миграционный режим был резко ужесточен. Месяц спустя после подписанного в июне 2019 г. нового миграционного соглашения с Вашингтоном число депортированных из Мексики центральноамериканцев возросло на 33%, достигнув рекордного числа в почти 22 тыс. человек [2].

В отношении Венесуэлы также принят целый набор санкций, направленных, в первую очередь, на государственную нефтяную компанию *Petróleos de Venezuela S.A. (PDVSA)*. Вначале они коснулись руководства компании, а в мае 2019 г. был объявлен бойкот на закупки венесуэльской

нефти, однако продержался он всего несколько недель и затем был частично снят. Напомним, что на начало 2019 г. Венесуэла является третьим по объемам поставщиком нефти в США.

Несмотря на активную поддержку Вашингтоном самопровозглашенного в январе 2019 г. временного президента Венесуэлы оппозиционера Хуана Гуайдо, окончательно дестабилизировать ситуацию в этой стране администрации Трампа все же не удалось. Поддержка режима Николаса Мадуро (2013 — н/в) такими крупными игроками в мировой политике, как Китай, Россия, Индия, Турция, ЮАР, а также отказ Мексики и Уругвая принять участие в политической и экономической блокаде республики во многом свели на нет попытки США одним ударом лишить Венесуэлу каких-либо опорных точек на международной арене.

К середине 2019 г., после провалившейся 30 апреля инициированной Вашингтоном попытки госпереворота в Венесуэле, затихли угрозы военной интервенции, неоднократно озвученные Дональдом Трампом и «ястребами» его команды — госсекретарем Майком Помпео и бывшим советником по вопросам национальной безопасности Джоном Болтоном. В данной ситуации сработали два фактора. Во-первых, даже самые близкие союзники США в Латинской Америке выступили категорически против каких-либо вооруженных акций и отказались предоставлять свои территории для их подготовки. Так, несмотря на то, что бразильский президент Жаир Болсонару (2019 — н/в), изначально пытаясь выстроить отношения стратегического партнерства с Соединенными Штатами, заявлял о готовности Бразилии присоединиться к вооруженной агрессии против Венесуэлы, его неоднократно «корректировал» вице-президент Антониу Гамилтон Моурау, отвергая любую возможность участия его страны в подобной акции. Напомним, что отставной генерал вооруженных сил Бразилии Гамильтон Моурао фактически возглавляет «военную партию» страны, на которую опирается президент.

Во-вторых, начав новую предвыборную президентскую кампанию, Трамп стремился избежать односторонней интервенции. Не исключено, что в его представлениях поддерживающие Мадуро вооруженные силы Венесуэлы, по численности являющиеся одними из крупнейших в Латинской Америке и тем более оснащенные российским вооружением, в случае боевых действий вполне могли «обеспечить» отправку в США серии цинковых гробов, что поставило бы крест на амбициях американского президента переизбраться на второй срок.

Тем не менее провокации со стороны Соединенных Штатов продолжались — по всей видимости для того, чтобы спровоцировать венесуэльскую сторону на действия, которые потребовали бы немедленных ответных мер. Об этом, в частности, свидетельствовал заход американского эсминец в территориальные воды Венесуэлы 8 мая 2019 г. И лишь благодаря жестким, но довольно сдержанным действиям венесуэльских патрульных катеров, эсминец был выдворен. В июле 2019 г. самолеты радиоэлектронной разведки США, вероятно, опять же в целях провокации неоднократно вторгались в воздушное пространство, контролируемое Венесуэлой.

В целом же политика дестабилизации режима Н.Мадуро продолжалась и усиливалась главным образом в финансово-экономической области.

5 августа 2019 г. Трамп отдал приказ блокировать все активы венесуэльских властей на территории США и ввел запрет на деятельность американских компаний в Венесуэле. На следующий день Дж.Болтон в весьма угрожающей форме предупредил иностранные компании о возможном введении против них санкций в случае «их связей с чавистским режимом» [3]. Напомним, что Вашингтон уже применял меры торгово-экономической блокады в отношении КНДР, Ирана, Сирии, Кубы.

Впрочем, как нередко бывало в американской внешнеполитической практике, в случае реальной выгоды Соединенные Штаты шли на исключения, отказываясь от своей, казалось бы, сверхпринципиальной позиции. Так, нефтегазовому гиганту *Chevron* было дозволено остаться в бассейне р. Ориноко в Венесуэле, так как контроль над одним из крупнейших в мире нефтеносных районов был стратегически важен для Вашингтона.

Сдерживающим фактором, исключая агрессивные действия США в отношении Венесуэлы, напрямую затрагивающие интересы таких ядерных держав, как Россия и Китай, является незаинтересованность Вашингтона в открытой конфронтации с этими странами. После выхода США из Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (ДРСМД) и начала размещения таких ракет непосредственно у границ России ряд международных экспертов уже заговорили о возможных ответных мерах Москвы, которая поддерживает дружественные связи и реализует военнотехническое сотрудничество с рядом близлежащих к Соединенным Штатам государств Латинской Америки. Очевидно, что повторения карибского ракетного кризиса 1962 г. не хочет ни одна из сторон. А для Трампа даже сама вероятность подобного сценария в условиях начавшейся предвыборной кампании была бы просто губительной.

Перемены наблюдаются и в диалоге с Кубой, причем по ряду аспектов — кардинальные. С одной стороны, американский президент как обычно «работал» на свой имидж в Конгрессе, обвиняя кубинское руководство в том, что Гавана практически никак не ответила на принятые Вашингтоном меры по смягчению двусторонних связей. С другой — в результате ряда шагов отменены практически все достижения администрации Барака Обамы (2009—2017) по нормализации отношений, и, более того, ужесточена торгово-экономическая блокада острова. Был составлен черный список из более чем 60 кубинских предприятий, якобы связанных с ее военно-промышленным комплексом, за сотрудничество с которыми американские компании могли подвергнуться различным штрафным санкциям.

С начала июня 2019 г. Вашингтон отменил практически все круизы американских мегатеплоходов на Кубу, что нанесло серьезный удар по туристической индустрии и, соответственно, по экономике острова. Напомним, что в 2018 г. около 650 тыс. американских туристов на этих лайнерах посетили Гавану и другие крупные кубинские города. Мера Трампа поставила под угрозу планы кубинского руководства выйти на рекордный для страны уровень в 5 млн иностранных туристов в 2019 г.

Со 2 мая 2019 г. администрация Трампа ввела в действие статью III Закона Хелмса-Бертон от 1996 г., которую более 20 лет клали «под сукно» сменявшие друг друга американские президенты, стремившиеся не обострять отношения с западноевропейскими союзниками. Напомним, что дан-

ная статья, носящая явно экстерриториальный характер, предусматривает возможность подачи в американские суды исков бывших кубинских граждан, чья земельная собственность была экспроприирована в ходе Кубинской революции 1959 г. Реакция Евросоюза, страны которого выстроили на Кубе целую сеть отелей на этих землях, была, как и ожидалось, весьма жесткой. Делались заявления о намерении предпринять ответные меры в отношении американских компаний на европейских рынках. Понятно, что Трамп пошел на «реанимирование» Закона Хелмса-Бертон в рамках подготовки к предвыборной гонке. Ведь во Флориде вопрос об экспроприации кубинской собственности затрагивает интересы многих, а голоса избирателей из этого штата, как в случае с избранием президентом Дж.Бушамладшего, могли бы в определенной ситуации сыграть решающую роль.

И все же в целом, несмотря на малоэффективные «точечные удары» по антиамерикански настроенным режимам региона, к началу 2019 г. Вашингтону, по крайней мере, удалось обрисовать контуры стратегического партнерства с ведущими государствами Латинской Америки: изначально с Аргентиной и Чили, затем с Колумбией и в конечном итоге с Бразилией, которая попыталась занять лидирующие позиции в сотрудничестве с США, чего, несмотря на усилия, не было ни при Джордже Буше-младшем (2001—2009), ни при Бараке Обаме.

Как и в начале прошлого века, сработала проводившаяся США политика «зрелого плода», смысл которой состоял в том, чтобы не предпринимать каких-либо политически затратных сверхусилий для достижения конкретного результата, а набраться терпения и ждать, пока тот сам не «упадет в руки». Администрация Трампа фактически не вмешивалась в предвыборные кампании 2015—2018 г. в Латинской Америке, однако извлекла максимум из тенденции поправления регионального политического ландшафта. Пришедшие к власти Маурисио Макри (2015 — н/в) в Аргентине, Себастьян Пиньера (2010—2014, 2018 — н/в) в Чили, Иван Дуке (2018 — н/в) в Колумбии, Жаир Болсонару (2019 — н/в) в Бразилии не скрывали своей заинтересованности в налаживании стратегического партнерства с Вашингтоном, и тот весьма искусно стремился воспользоваться этим. Именно благодаря прямому участию правительств этих государств под нажимом Вашингтона в рамках Организации американских государств (ОАГ) в начале 2018 г. сформировалась Лимская группа, добившаяся фактической изоляции в регионе режима Мадуро. В аналогичной ситуации оказались и Куба, и Никарагуа, и Боливия.

По существу начался распад образованных в ходе «левого дрейфа» в первом десятилетии XXI в. интеграционных объединений, среди которых — Боливарианский альянс для народов нашей Америки (Alianza Bolivariana para los Pueblos de Nuestra América, ALBA). В 2019 г. — во многом благодаря усилиям президентов Аргентины, Чили, Колумбии и Бразилии — прекратило свое существование такое, казалось бы, перспективное образование, как Союз южноамериканских наций (Unión de Naciones Suramericanas, Unasur), который являлся реальным противовесом ОАГ и создал, в частности, собственный Совет обороны.

По инициативе Макри и Болсонару началось свертывание активности Общего рынка стран Южного конуса (Mercado Común del Sur, Mercosur),

охарактеризованное ими как процесс «деидеологизации» и «деполитизации» этой интеграционной группировки. Mercosur в течение более двух десятилетий являлся самой влиятельной региональной организацией, своеобразной опорной точкой оппонировавших Вашингтону левонационалистических режимов Латинской Америки.

Казалось бы, поле для гегемонии США в Западном полушарии было расчищено. На это указывала, например, достигнутая в июле 2019 г. договоренность между Помпео, Макри, Болсонару и парагвайским президентом Марио Абдо Бенитесом (2018 — н/в) о координации контртеррористических операций на «тройной границе» между Аргентиной, Бразилией и Парагваем. По данным спецслужб в этом районе контрабандой наркотиков и оружия свободно занималась ливанская террористическая группировка «Хезболла», обеспечивая финансовую поддержку своих групп на Ближнем Востоке и в других уголках мира.

1 августа 2019 г. стало известно о том, что Трамп «назначил» Бразилию главным союзником Вашингтона вне НАТО. Четверть века назад администрация президента США Уильяма Клинтона (1993—2001) объявила союзником вне НАТО Аргентину — правда, не главным. Расчет был таким же: США «теряли» Южный конус Латинской Америки, в экономической сфере уступая этой район Евросоюзу, и Белый дом в алармистском порядке предпринял попытку «вбить клин» между Бразилией и Аргентиной, которые после двух веков соперничества и выстраивания собственных геополитических осей, вышли на беспрецедентный уровень взаимодействия, что и вылилось в создание Mercosur. При этом важно отметить, что шаг был сделан буквально накануне саммита BRICS в Бразилии осенью 2019 г. Задача очевидна: осложнить отношения между партнерами этого объединения, к которому США относились более чем негативно. Не все, однако, выглядело столь однозначно. Несмотря на, казалось бы, крайне благоприятную для Вашингтона ситуацию, обнаружились и угрожающего размера «подводные камни». Во-первых, не вполне нейтрализован весьма мощный заряд антиамериканизма, заложенный в политическую культуру сменявших друг друга на протяжении всего прошлого века правящих элит государств региона самой различной политической ориентации. Проявился он и в условиях «правого дрейфа» в Латинской Америке — причем в весьма своеобразной форме. Например, Ж.Болсонару крайне заинтересовался идеей реализовать концепцию «негласного союза» США и Бразилии, которую еще в начале прошлого века выдвинул видный бразильский государственный деятель барон Рио-Бранко Жозе Мариа да Силва Параньос. Тогда осуществить план не удалось в связи с началом Первой мировой войны, существенно изменившей международную обстановку. Впрочем, к середине 2019 г. наметившийся было «медовый месяц» в отношениях двух государств, вероятно, подходит к концу, что подтвердила и судьба плана Болсонару вслед за Аргентиной предоставить США территорию для размещения американской военной базы. План так и не был реализован: против него выступила военная элита, являющаяся одной из главных опор бразильского президента.

Аргентинские военные также весьма негативно отнеслись к принятому М.Макри в июле 2018 г. решению о размещении в провинциях Мисьонес, Кокета и Огненная Земля трех американских военных баз, так как увидели в этом ущемление собственных суверенных прав. Тем более, что предос-

тавление военным из США опорных точек в Аргентине официально было мотивировано не защитой государственных границ, которым никто не угрожал, и не борьбой с наркотрафиком, а необходимостью «обеспечения внутренней стабильности в стране».

Внешним фактором, который вполне способен ограничить возможности США в Латинской Америке, является политика внерегиональных держав. Речь главным образом идет об экономической экспансии Китая. В последние годы существенные перемены произошли в геополитическом треугольнике США — Китай — Евросоюз, в котором уже несколько десятилетий находится Латинская Америка. Амбиции Пекина заметно возросли, в особенности после начала реализации с 2016 г. новой «маршрутной карты» Си Цзиньпина. Именно Китай в полной мере воспользовался определенным вакуумом, образовавшимся в результате экономического вытеснения США из региона. Началось все с выхода Вашингтона в январе 2017 г. из Транстихоокеанского партнерства (Trans-Pacific Partnership, TPP), в участии в котором были крайне заинтересованы государства — члены Тихоокеанского альянса (Alianza del Pacífico, AP): Мексика, Колумбия, Перу и Чили. А без Соединенных Штатов TPP практически не имело будущего. Американский президент неоднократно заявлял о том, что, являясь противником свободной торговли, намерен кардинальным образом пересмотреть подписанные предыдущими администрациями соответствующие соглашения с более чем десятью латиноамериканскими партнерами, либо вообще выйти из них.

Ключевыми чертами нового витка экспансии Китая стали отказ от акцента на сырьевом экспорте из стран региона и переход к разработке и осуществлению инфраструктурных проектов — в частности, к созданию в Латинской Америке целой сети трансокеанских транспортных коридоров [4, сс. 32-33]. Пекин уже приступил к реализации обнародованного еще в 2016 г. плана инвестирования в страны региона в объеме 39 млрд долл. до конца десятилетия. По планам атлантические южноамериканские гиганты Бразилия и Аргентина посредством подобных коридоров будут соединены с тихоокеанскими платформами в Перу и Чили. Один из таких коридоров к середине 2019 г. уже находился в стадии строительства и охватывал сразу пять стран: Перу, Боливию, Парагвай, Уругвай и Бразилию.

Еще одним стратегическим для Китая проектом стало сооружение проходящего через Никарагуа трансокеанского канала, который по своей пропускной способности существенно превосходит Панамский канал. В целях «прикрытия» финансирование обеспечивает миллиардер из Гонконга Ван Цзин, а Пекин, согласно неоднократным заявлениям Си Цзиньпина, не имеет к проекту никакого отношения. При этом после введения канала в эксплуатацию собственность на него, а также на связанные с ним два глубоководных порта и аэропорт сроком на сто лет будет принадлежать Ван Цзину, то есть Китаю. Это существенно облегчит доступ Китая к атлантическому побережью Латинской Америки.

Выгоды из инфраструктурных проектов извлекала не только КНР, прокладывая себе путь к стратегическому сырью в регионе и укреплявшая «шелковый путь» через Тихий океан. Правящие круги латиноамериканских государств — даже тех, что находились под руководством проамерикански

настроенных правоориентированных режимов, — также были крайне заинтересованы в этих проектах, так как именно инфраструктура традиционно являлась «ахиллесовой пятой» региона. К концу второго десятилетия XXI в. Пекин уже превратился в главного торгово-экономического партнера большинства латиноамериканских стран и в основного кредитора и инвестора. Показательным в этом отношении стал визит в Пекин в июне 2019 г. вице-президента Бразилии Г.Моурау, которого Си Цзиньпин принял на самом высоком государственном уровне, несмотря на протокол, согласно которому китайский лидер мог встречаться только с президентами других государств. В ходе встречи Моурау приложил немалые усилия для того, чтобы укрепить отношения сотрудничества с КНР и дезавуировать весьма опрометчивые антикитайские высказывания Болсонару, которыми избобило его предвыборная кампания.

К середине 2019 г. активность в регионе заметно нарастил Евросоюз, в последние годы оказавшийся наиболее слабым звеном в упомянутом геополитическом треугольнике. Во многом благодаря дипломатическим усилиям премьера Испании Педро Санчеса (2018 — н/в) и канцлера Германии Ангелы Меркель (2005 — н/в) 27 июня 2019 г., накануне саммита G-20 в японском городе Осака, было официально объявлено о завершении длившегося около 20 лет переговорного процесса между Mercosur и ЕС. При этом очевидно, что подписанному соглашению о свободной торговле еще предстоит преодолеть довольно серьезное сопротивление со стороны целого ряда влиятельных ассоциаций промышленников и сельхозпроизводителей по обе стороны Атлантики. Вступление этого соглашения в силу ожидается после его ратификации Европарламентом к концу 2020 г., оно станет одной из трех составляющих общего Соглашения об ассоциации между государствами ЕС и Mercosur, включающего также политический диалог и сотрудничество по вопросам миграции, прав человека и т.п.

Подписанное соглашение стало ответной реакцией западноевропейских держав на протекционистскую политику администрации Трампа, неоднократно заявлявшего о намерении заблокировать деятельность Всемирной торговой ассоциации. Не исключено, что оно также стало своеобразным ответным ходом на введенную Вашингтоном статью III Закона Хелмса-Бертон.

Подводя итог, следует отметить, что вопреки кажущемуся нарастанию гегемонии Вашингтона в Латинской Америке в конце второго десятилетия XXI в., сдерживающие ее факторы весьма существенны — даже несмотря на «правый дрейф» в регионе. Среди этих факторов — непредсказуемость предстоящих в ноябре 2020 г. президентских выборов в США, а также возросшая неустойчивость заинтересованных в стратегическом партнерстве с Вашингтоном правоориентированных режимов Аргентины, Бразилии, Колумбии и Чили, социальная база которых начала заметно сужаться с 2019 г.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Сударев В.П. Латинская Америка в геополитическом треугольнике США — Китай — Европейский Союз. М.: МГИМО—Университет, 2019, 135 с. [Sudarev V.P. Latinskaya Ame-

Владимир Сударев

rika v geopoliticheskom treygolnike USA—China—Evropeyski Soyuz [Latin America in the geopolitical triangle USA—China—European Union]. Moscow, *MGIMO—Universitet*, 2019, 135 p.

2. México cifra en un 36% la reducción del flujo migratorio. El País, 23.VII.2019. Available at: https://elpais.com/internacional/2019/07/22/mexico/1563802359_661504.html (accessed 23.07.2019).

3. EEUU golpea al régimen de Maduro con duras sanciones para aislarlo. El País, 07.VIII.2019. Available at: https://elpais.com/internacional/2019/08/06/actualidad/1565100666_827432.html (accessed 07.08.2019).

4. Sudarev V.P. Nueva hoja de ruta de Xi Jinping. *Iberoamérica*, 2018 (abril—julio), N 2, cc. 23—41.

Vladimir P. Sudarev (v.sudarev@mtu-net.ru)

Doctor of Sci. (Policy), Professor, Main Researcher Associate in the Department of Political Studies of the Institute for Latin American Studies of the RAS.

21, B. Ordynka Str., Moscow, Russian Federation

Possibilities and limits of the US hegemony in Latin America

Abstract. The article is dedicated to the analysis of the drastic changes in US politics towards Latin America after D.Trump came to power. It refers to the crisis in the relations with Mexico and the impact on it of the problems of migration across this country from the Central American region, growing economic sanctions against Cuba, efforts to destabilize the regime of N.Maduro in Venezuela. Special attention is paid to the attempts of the Trump's administration to enlarge its influence in the region making use of the turn to the right of the political situation in the leading Latin American countries such as Argentina, Chile, Brazil and Colombia, and its efforts to convert them in strategic partners. Another object of the analysis is the role of such extra regional powers as China and European Union in limiting the growing influence of the United State in this part of the world.

Key words: Washington, political landscape, strategic partnership, destabilization politics, extra regional powers.

DOI: 10.31857/S0044748X0006894-2

Received 29.08.2019.